

Остановится сердце внезапно — хоть жизни чудо
Еще чувствовать будешь, но от речного причала
Поплывешь обратно в крытой лодке своей отсюда,
Поплывешь по небесному руслу — назад, к началам.

Геннадий Юшков

Перевод Андрея Попова

От всего сердца натешилась в этом году вешняя вода. Отобрала у людей стоявшие по берегу бани, облизывала уже углы домов, но никак не могла насытиться. Сельчане с тревогой смотрели на разбухающую реку: «Господи Боже, спаси нас и

помилуй». Лишь прибрав к рукам дорогу к сельскому кладбищу, река угомонилась. Растерялись люди — виданное ли дело, чтобы дорога на тот свет ушла под воду. Протекавший рядом с погостом ручей по весне и раньше частенько разливался, но настолько высоко

вода поднялась впервые. «Только бы никто не умер, только бы никто не умер», — с надеждой приговаривали местные.

Но, кроме людских упований и речного норова, имеется в мире и другая, высшая сила, вскоре по округе разнеслось — в соседней деревне преставился мужик. По годам вполне еще жилец на этом свете. «Ну дела, ну и дела-а-а, — шептались сельчане. — Вот ведь, вот ведь, в такое половодье! Как и хоронить-то будем?»

Пополошевав, люди принялись за привычную работу: мужики взяли топоры и пилы, а бабы затеялись варить и стряпать на поминальный стол.

А что тут поделаешь, не положено покойников на поверхности земли оставлять.

* * *

Этот мужик так же, как и нынешнее половодье, когда-то от души натешился в моей жизни. Лет двенадцать мне было, наверное, когда он зачистил к нам в дом. Ну, приходит и приходит. Нам, детям, то конфеты, то еще какие-нибудь гостинцы-лакомства приносит. Посидят с мамой, чай попьют, поговорят о чем-то, а нам и дела не было до их разговоров.

Но в один из вечеров — уже стемнело, — а гость все еще у нас. Я позвала маму в другую комнату и тихонько спросила:

— Мам, он долго еще здесь сидеть будет? Спать пора, поздно уже.

— А вы ложитесь, не ждите меня. Я тоже лягу потом.

— Ну мама...

— Я сказала, иди, ложись.

— Нет.

— Ло-жись.

Что меня тогда так распалило? Мамины ли глаза, голос ли? Я вдруг отчетливо поняла, что дома у нас не все в порядке. Всегда обычно строгая мама на этот раз даже сердилась как-то по-особенному.

— Я не лягу, пока он здесь.

— Ляжешь.

— Нет. Завтра в школу не надо, каникулы. Тогда я тоже буду здесь сидеть.

— Не зли меня.

— Ах, не злить?! — Характерец-то у меня еще тот был. — Ну хорошо, либо я, либо он.

— Не дури.

— Я и не дурую. Я сказала.

— Нашлась тоже — разговорчивая. Ложись и спи, завтра утром поговорим.

— Никакого завтра здесь не будет. — Хлопнув дверью, я выбежала вон. Куда? Зачем?

...Оказалась почему-то в доме бабушки Павлы и деда Якова. Их похожий на игрушку дом стоял наис-

косок-напротив. Дружно жили они с бабушкой моей и нам как родня были.

— Что-то позновато. Мама зачем-то послала? — удивилась бабушка Павла.

— Нет, — промямлила я. — Я... просто так... побуду... у вас.

Бабушка Павла потуже подвязала платок и куда-то вышла, а я стою и не знаю, что мне теперь делать. Довольно скоро она вернулась и, пройдя на кухню, сказала:

— Ладно, деточка, ладно, побудешь так побудешь. — И снова принялась за домашние хлопоты.

«Наверное, к нам выходила. Сейчас мама придет. А может, не придет».

Я даже толком не понимала, почему я убежала из дому и как это мама — за мной не придет. Сама же возвращаться назад я, понятное дело, не собиралась. Мне отчего-то было очень обидно. А от чего? Двенадцатилетняя девчонка, дочь школьной учительницы, которая училась жить по книгам, а любовь ей казалась каким-то огромным чистым небосводом, конечно, не могла соединить эту любовь с человеком, сидящим у нее в доме. В голове билась лишь одна мысль: «Мама предала отца!»

Жизнь кончилась. Я не плакала — обида выжгла слезы. «И зачем жить этой обманной, лживой жизнью?» Мыслей о настоящей смерти, конечно, не было, просто хотелось стереть, стереть все, что происходило не по моим представлениям. А как это сделать, я и сама не знала.

...Долго я стояла и царапала угол большой свежесвыбеленной печи бабы Павлы. Потом, когда заболели кончики пальцев, стала выковыривать белую муку из-под ногтей. Физическая боль оказалась сильнее душевной, и незаметно для себя я успокоилась. Бабушка Павла изредка поглядывала в мою сторону, но ничего не говорила, за подпорченный печной угол тоже не ругала.

Пришла мама. Оказывается, она сразу и приходила, но бабушка Павла попросила ее меня не трогать, пускай, мол... Через некоторое время мы все-таки пошли домой.

Дома, кроме сестры, теперь уже никого не было. Мама сказала:

— Давайте в карты поиграем. — И попала в самую точку.

А мы и вправду очень в карты любили играть с бабушкой. Придет, вытащит из кармана колоду — она карты всегда с собой носила, — и играют с дедом Иваном и с бабушкой Софьей. И играют-то всегда как-то очень уж весело — с шутками-прибаутками. Дед Иван на язык остер был, балагурил все время. Большого роста, крепкий, с густой черной бородой. Бывало,

зайдет в лавку: «Ну, клеп горячий?» «Горячий, горячий хлеб...» — отзывается с улыбкой продавец. «Ну откуда он у вас горячий, если из печной трубы сегодня дым не шел?»

У каждого из них были свои, персональные карты. Сначала играют одной колодой, покуда кто-то не скажет: «Ну все, а теперь моими поиграем». Я все удивлялась, ведь карты совсем одинаковые, а им зачем-то надо было колоды менять, да еще во время игры так увлекутся не на шутку, что дед Иван даже про свою трубку забывал. Играют, матерятся, будто корова на кону стоит. Этот карточный азарт и нам, ребятишкам, передался. Только достанет бабушка колоду из кармана — про все на свете забываем, рассаживаемся за стол, как заправские картежники...

Но мама с нами играть никогда не садилась. Может быть, потому, что учительницей работала, то ли по какой-то другой причине, не знаю. Все время ворчала на бабушку, что та нас к картам приучает. И вдруг в этот вечер мама села с нами играть! В карты!!! Я думала, что у нас их и в доме-то не водилось... С видом знатока перетасовала колоду и раздала.

— Ну, у кого что, ходите.

Так закончился этот день. Играя в дурака на расстеленном матрасе, я окончательно успокоилась и уснула.

Наутро снова светило солнце, мы купались в теплой еще августовской реке и загорали, словно и не было вчерашнего случая. Но с этого дня я стала чуть-чуть взрослее, что ли. Жизнь впервые вытасила меня из книг и окунула в действительность. Действительность оказалась другой, и на моем сердце появился первый небольшой стежок. Неприглядным и грубоватым он получился. А говорят, что о вышивке судят именно по первому стежку...

Чем больше стежков на сердце, тем меньше оно трепещет, тише бьется. И тогда и дальше, во взрослой жизни, душа моя неизменно стремилась к свету и чистоте, но больно уж много ухабов и ям таит человеческая дорога, после которых только одно спасение, только одно надежное укрытие — книги.

...До этого случая я уже убежала из дому — нечаянно обварила кипятком сестру и себя. Испугалась, что будут ругать. Волдыри сестры сразу чем-то помазали, и ни следочка от них не осталось, а я полдня пряталась в бабушкином дровянике. В конце концов меня нашли и отвели в больницу. Следы от ожогов остались на коленях до сих пор.

Потом я еще много раз пыталась убежать от разных вещей, но жизнь неизменно догоняла меня и больно мстила за попытки к бегству. Похоже на детские догонялки, только вот водить мне пока ни разу не удавалось.

* * *

Река волновалась. Наслаждаясь своей властью, большая вода раскачивала лодки из стороны в сторону. Веревки, их удерживающие, то натягивались в струну, то безвольно падали. Казалось, что кто-то невидимый отдавал им приказы: «Не торопитесь. Всему свое время». Точно так же и человеческие души постоянно балансируют между жизнью и смертью. Точно так же человек, пока жив, колеблется и сомневается, если стоит перед каким-нибудь выбором.

В полдень, когда солнце повисло в аккурат над погостом, народ, провожающий покойника в последний путь, добрался до берега. Моторные и весельные лодки ждали наготове, люди молчали.

Солнце неожиданно спряталось за облако. «Только бы дождь не начался, давайте, это...» — сказал кто-то из мужиков. Все будто бы встрепенулись, и людской муравейник зашевелился. Никто не знал, сколько лодок понадобится для таких необычных похорон. Про запас приготовили около десятка, чтобы потом можно было выбрать из них самые подходящие.

* * *

Выросли мы без отца. Мама не любит рассказывать о годах своего замужества. Знаю лишь, что после окончания училища она по направлению поехала работать в дальнее село. Отец разыскал ее и перевез в райцентр. Поселились там в небольшом домишке. Мама работала в школе, потом родилась я, а через два года моя сестренка. Спустя два месяца после ее рождения отец повесился. На этом семейная жизнь мамы закончилась. Было ей на ту пору тридцать лет...

* * *

Первую лодку выбрали небольшую. Для деревянного могильного столбика много места и не надо. На прибитом к нему кусочке жести гвоздем нацарапали имя и фамилию. Словно своеобразный пропуск, без которого в иной мир не примут, пока не узнают, что это был за человек и за чем он приходил на эту грешную землю.

* * *

А мы безотцовщину особо-то никогда и не замечали. Жили не тужили, прыгали-скакали. Все у нас было, как и у остальных детей: и одежда хорошая, и коньки-лыжи, и велосипед. Мама меня и к морю возила.

...По рассказам, после отцовских похорон две мои бабушки — по отцу и по матери — собрали мамино

«добро» в грузовик и привезли в дом моей ыджыдмам, что в переводе с коми «старшая мама». В ее доме мы прожили три года. Мама куда-то отлучалась, ездила на какие-то конференции, оставляя нас на бабушкино попечение. Бабушка тогда была еще не старая, работала, а я часто болела и подолгу сидела дома. Хоть и дни напролет я копалась в книгах, все же, видно, скучно было. Бабушка рассказывала, что как-то раз пришла домой, а я вся зареванная стою перед маминной фотографией и подвываю: «Мама-а-а, иди-и-и! Ма-ма-а-а». Бабушка спрашивает: «Что ты, деточка милая, так плачешь? Приедет твоя мама». И начала меня успокаивать. А я ей скулю в ответ: «Да-а-а, как же приедет? Я ее зову, зову, а она даже не разговаривает со мной».

Плохо дитяти без мамы, и никакие лакомства да красивые игрушки ее не заменят. Мама всегда самая славная и добрая — точно это основная ее миссия в жизни. А разве другой может быть мама? Я никак не могла взять в толк тогда, почему пожилые сельские бабы, глядя на нас, сочувственно приговаривали: «Бедные детки». И почему-то добавляли при этом: «Что бы с вами стало, если бы не ваша мать. Хорошая она, тем и спаслись».

Своим детским умом я, конечно, не понимала, что это такое — расти детям без отца и жить молодой женщине без мужчины. Моя мама сумела сделать мое детство действительно счастливым. Ни разу от нее я не слышала плохих слов об отце.

После смерти сына с нами долго жила бабушка Ольга, мать отца. Она вела себя так, словно ее сын живой, словно так и надо и ничего не случилось. Вязала носки, глядя в окно. Дожила до восьмидесяти лет, и ни разу я не видела ее в очках. Видимо, руки за долгую жизнь научились обходиться без глаз, сами знали, что им делать.

Папина сестра, моя крестная, часто у нас гостила. В моей памяти так и осталось, что обе эти женщины как бы заменили мне отца. Да где же заменишь?

* * *

Во второй лодке плыли два венка. Сейчас, иногда случается, если городские на похороны приезжают, то с собой такие большие и разноцветные венки везут, что могила потом на клумбу становится похожей. В этот раз никаких «важных» венков не было. Сельские бабы сладили из веток. На венки леса еще хватает.

* * *

Мне было около пяти лет, когда мы перешли жить в новый дом. После скромной бабушкиной избы он показался мне настоящим теремом. Четыре комна-

ты, высокий потолок, пахнет свежим деревом, стоит в самом центре села. Возле дома посаженные кем-то черемухи и березки, рядом с ними — ручей. Но всю эту красоту я заметила позже. Во время переселения помню лишь, что первая комната была еще без полов. От порога до порога лежала толстая, длинная плаха, по которой мы и ходили поначалу. Она казалась мне мостом через какую-то невидимую широкую реку. Самое интересное было вечерами, впотьмах. Под светлой плахой — непроглядная темень. Дойдешь до середины, качнешь доску и думаешь — если сорвешься вниз, долго ли лететь придется? Боязно, а все равно качаешься. Так мы и развлекались, пока не постелили пол. Спустя время, перед Пасхой, бабушка приспособила для нас на сеновале настоящие качели. Мама их почему-то сразу же невзлюбила. Все время поднимала веревки с доской вверх, на бревно. Может быть, боялась, что мы с них когда-нибудь сорвемся, а может, доска мешала управляться с сеном. А нам с сестрой летать в травяных ароматах очень даже нравилось, и мы при любой возможности, тайком от мамы, снова и снова распускали веревки и прилаживали доску.

...Меня всю жизнь удивляет, как мама с двумя малышками на учительскую зарплату подняла такой огромный дом. Сельчане, конечно, помогали и бабушка. Она у нас с характером была, даже мужики ее побаивались: все деревенские работы лучше иного мужика знала — хоть печку сложить, хоть стог сметать. И все же больше всего хлопот выпало на мамину долю. И потом, всю жизнь она что-то все время мастерила, приколачивала. Тяжело без мужика, но и помощников за каждым разом просить не будешь.

Именно этот дом стал для меня по-настоящему самым дорогим. До сих пор, хотя давно уже живу вдалеке от родных мест, он для меня самый главный на земле.

Всю жизнь мечтаю построить свой дом, но вряд ли у меня что-нибудь получится...

* * *

В третью лодку положили крышку гроба. Чтоб не намочить обивочную ткань, крышку приспособили поперек лодки. Тем, кто смотрел на все это с небес, должно было быть удивительно, что это за крест плывет по реке...

* * *

...Отца я помню смутно. Ни его голоса, ни лица не осталось в моем детском восприятии. Всего несколько эпизодов и сохранилось из прошлого. Когда он качает меня на коленях — и похороны. Нас, двух сестер, посадили тогда на диван и долго фотографировали.

Я, помню, встаю, подхожу к бабушке, трогаю ее лоб — теплый, потом прикасаюсь к своему — тоже теплый, затем глажу папин лоб, а он — холодный.

...Не умела я тогда причитать по отцу, теперь, к сорока годам, научилась. Но теперь больше свою жизнь, наверное, оплакиваю. Плохо без отца, чего там говорить. И в детстве его не хватало, и сейчас нужен. Только вот где его возьмешь? Маленькое белое платьице, подаренное мне отцом, я храню до сих пор. И еще — заказанный папой в каком-то фотоателье мой портрет, на котором мне два годика. Истончилась на нем бумага за годы, но я не решаюсь что-то менять. Это платьице и портрет — моя об отце память.

Наверное, потому, что я совсем не помню отца, он всегда кажется мне самым добрым, самым красивым, самым толковым мужчиной на свете. Недавно я рассматривала мамин фотоальбом: так и есть — самый, самый. Эх, как бы хорошо нам всем вместе жилось...

Всю жизнь ищу мужчину, хотя бы отдаленно напоминающего отца. Увы...

* * *

В полном безмолвии (мужики даже материться перестали) гроб осторожно перенесли в лодку. Никому еще из нынешних не доводилось переправляться через реку с покойником.

Хотя эта, четвертая лодка, и была побольше других, устанавливали гроб тщательно. Мало ли что — с водой шутки плохи. Заметно просевшая от тяжести, лодка, покачиваясь, взяла курс к кладбищу. Она удалялась, а с берега казалось, что вода качает зыбку, над которой бабка-пестунья поет младенцу колыбельную песню.

Неожиданно набежал ветер и погнал волну. Стоящим на берегу людям даже пришлось немного отойти. «Но если сейчас зачерпнет, то все...» «Господи, господи...» — осеняли себя крестом пожилые сельчане.

Обошлось. Лодки причалили. Перешел человек и через водную преграду — видно, и в самом деле выполнил все, что Бог уготовил ему на земле.

* * *

В один из моих приездов домой мама обмолвилась, что запретила приходить в дом тому мужчине. В последнее время они с мамой и вправду не очень ладили. Нет, ссориться часто они не могли, потому что жил он тогда в городе с нелюбимой, по его словам, женой. Приезжал только летом. Селился в старом доме своего отца, выпивал и приходил к маме. Каждый раз говорил, что как только подрастет дочь, он оставит семью и придет к маме. Я почему-то понимала, что из этой затеи ничего не получится, а вот

мама в глубине души все же ждала его. Вот уже и дочка его выросла, вышла замуж и уехала далеко от родной земли, а мама так и оставалась одна. Однажды я, уже довольно взрослая, с начавшим черстветь сердцем, спросила маму:

— Ну, на что он тебе нужен?

Она ответила мгновенно:

— Сердцу не прикажешь. И первая любовь не забывается.

Мне показалось тогда, что передо мной не мама, а шестнадцатилетняя девочка, впервые познавшая любовь.

И снова мне стало очень обидно и жалко. А кого жалче — себя или маму, не разобралась. Мне многое хотелось ей сказать, но я в который раз промолчала. Не нашла нужных слов. Если хочет, то пускай надеется и ждет... Да и имею ли я право что-то ей говорить. Однажды вот, в двенадцать лет, уже сказала...

* * *

В пятую лодку села родня. Приехала из города жена, и дочь вернулась из далеких земель. Больше близких родственников не было.

Отчий дом покойного окончательно осиротел и одрях. Не очень хорошим хозяином оказался его последний жилец — почти всю веранду разобрал на дрова.

На дне полупустой лодки сумка с поминальной едой и бутылка водки. Кто-нибудь же помянет.

* * *

Мне было двадцать, потом тридцать лет, а он продолжал приходить. Однажды пришел во время моего приезда. Постарел, но все еще пытался бодриться. Слегка навеселе, прямо с порога прошагал к столу, выставил две бутылки и сел на диван.

Мама собрала на скорую руку какую-то закуску. Меня, хоть я всегда в таких случаях отнекивалась, тоже усадили за стол. Сидим. Он спрашивает о каких-то городских новостях, я что-то отвечаю. Вдруг он нагибается поближе ко мне:

— Знаешь что, а давай мы с тобой на рыбалку съездим. Сети возьмем, удочки, продукты, выпивки, как полагается. Вдвоем. На пару-тройку дней. А? — Вроде бы и просто сказал, от души, а в глазах его мурлыкал мартовский кот.

Меня бросило в дрожь. В этот момент я опять вспомнила тот давний свой побег из дому. Чтобы не наговорить резкостей и не огреть его чем-нибудь по лысеющей голове, я снова вышла из дома.

...Больше мы с ним не виделись. И вот — умер...

* * *

В шестой лодке сидели в основном мужчины. Опустить гроб и закапывать могилу — мужская работа.

* * *

Мое ожидание — это только мое ожидание. Никто мне не обещал, что этот человек заменит мне отца. Я сама себя обнадеживала и ждала... И никто меня не обманывал... Я обманывала саму себя...

* * *

Мама сидела в седьмой лодке вместе с тетками, которые не пропускают ни одних похорон. Такие есть в каждой деревне. Горько причитая, они не забывают пронести мимо рта несколько поминальных рюмок.

* * *

Летом мы с мамой ходили на кладбище. Вода уже убыла. О весеннем наводнении напоминали только небольшие ямки, в которых тускло поблескивала мутноватая жижа, да еще разбросанный и забытый половодьем всякий древесный мусор. Мы без труда добрались по сухому месту к могиле отца, завернули на могилу тети, а потом мама повела меня на его могилу. Посидели, помянули. Мама сказала: «Хотя бы так. При людях ведь сюда не придешь».

Я промолчала.

* * *

А что тут скажешь?
Половодье не перегородишь...

Перевод с коми Игоря Вавилова

Фото Ирины Калининой,
учительницы Важгортской школы